

А.В. Кузьмин

Один день с автором
«Евгения Онегина»,
или Пушкинский Петербург

Литературная экскурсия

Задания

1. Напишите стихотворение в формате онегинской строфы (4-ст. ямб, АБАБ ВВгг ДееД жж) на одну из тем, прозвучавших во время экскурсии.
2. Напишите рецензию на оперу «Евгений Онегин»:

План рецензии:

Основная информация: театр, время, режиссер

Режиссерская работа:

Какова режиссерская интерпретация источника? Пытается ли режиссер следовать за автором или демонстрирует свое прочтение текста? Сравните данный спектакль и другие постановки, которые вы видели.

Актерская работа:

Удачен ли подбор актеров?

Чья актерская работа выделялась особенно?

В чем заключалась сложность постановки для актеров (танец, пение, игра на музыкальном инструменте, драка, фехтование и проч.)? Справились ли актеры с поставленными задачами?

Выберите одну мужскую и одну женскую роль и прокомментируйте игру актеров.

Сцена и декорации:

Как выглядела сцена?

Какая идея была выражена в декорациях, насколько она отражала содержание пьесы?

Зависит ли от декораций успех постановки? Если да, то как? Что бы случилось, если бы декораций не было?

Костюмы и декорации:

Требовал ли спектакль разработки специальных костюмов (исторических, сказочных и проч.)? Если да, то как дизайнеры справились с данной задачей? Способствовали ли декорации успеху постановки? Если да, то как?

Итоговые замечания:

Каково Ваше общее впечатление от спектакля?

Было ли в постановке что-либо, что Вам хотелось бы изменить? Если да, то почему и как.

Маршрут

1. Пл. Искусств
2. Книжная лавка Слёнина (Невский пр., 30)
3. Книжная лавка Смирдина (Невский пр., 22)
4. Угол Мойки и Невского пр.
5. Дворцовая пл.
6. Особняк Н.П. Голицыной (дом «Пиковой дамы»), ул. М. Морская, 10
7. Дом А.Я. Лобанова-Ростовского (Адмиралтейский пр., 12)
8. Медный всадник
9. Английская набережная (дом Лавалей, Коллегия иностранных дел)
10. Дом Брискорн (ул. Галерная, 53)

Часть 1. Поэзия и искусство

Площадь Искусств

Памятник Пушкину

Главный памятник Пушкину в Петербурге удачно вписался в ампирный облик площади Искусств. Вдохновенный жест поэта позаимствован Михаилом Аникушиным у Репина – с картины, где юный Пушкин читает Державину «Воспоминания в Царском Селе».

Памятники поэту в Петербурге появились только в 1950-х годах XX века (не считая обелиск поэту на месте дуэли на Черной речке в 1937 г.).

Именно этому памятнику на площади Искусств выпала судьба стать самым «классическим» Пушкиным северной столицы.

Конкурс на установку нового памятника великому русскому поэту был объявлен после Великой Отечественной войны, к 150-й годовщине со дня рождения поэта, в 1949 году. Победу одержал молодой, еще малоизвестный скульптор Аникушин. В ходе работы проект претерпел изменения. Пушкин изображен вдохновенным поэтом, который, закинув руку, читает свои стихи. В соответствии с требованиями социалистического реализма подчеркнуты пушкинские «жизнелюбие» и «оптимизм».

Близился долгожданный час. И, наконец, на площади Искусств перед Русским музеем,

бронзового Александра Сергеевича водрузили на пьедестал - массивный куб красного полированного гранита. К вечеру того беспокойного июньского дня уставший от волнений Михаил Константинович присел у подножия, да так там и заснул. А наутро, проснувшись с первыми солнечными лучами, молодой ваятель взобрался на ставший уже родным монумент и, удобно устроившись на бронзовом плече Александра Сергеевича, стал наносить последние "штрихи" - шлифовать завитки пушкинских кудрей.

И вдруг одно неосторожное движение! Нога предательски заскользила по металлу. В ушах застыл пронзительный крик уличных зевак, стоявших неподалеку. И в то же мгновение будто кто-то незримый подхватил его: скульптор беспомощно повис в воздухе, на восьмиметровой высоте...

Все оцепенели: случилось чудо - бронзовый Пушкин «подхватил» своего ваятеля тяжелой десницей! Будто в благодарность. Это уже потом свидетели необычайного происшествия расскажут Михаилу Аникушину, что, падая, он зацепился курткой за правую руку Александра Сергеевича, ту самую, что вольно и широко, в порыве божественного вдохновения откинул поэт.

Что до самого Пушкина, то эта его 113-я любовь (как позволил он себе пошутить в начале их знакомства) обернулась для поэта судьбой: к ней устремились его увлеченность красотой и молодостью, мысли и чаяния о семье и семейной жизни. Уже на первых порах супружества Пушкин трезво рассудил: «Не хвалюсь и не жалею — ибо жёнка моя прелесть не по одной наружности, и не считаю пожертвованием того, что должен был я сделать».

Наблюдая мир и согласие в новой семье, весьма одобрял выбор Пушкина В. А. Жуковский: «И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

Наталья Николаевна затмила всех красавиц Петербурга. Об этом сохранилось немало свидетельств, но одно из них интересно тем, что относится к началу их супружеской жизни, — это воспоминание В. А. Соллогуба. «...Отец повез меня к Пушкину. (...) Много видел я на своем веку красивых женщин, много встречал женщин еще обаятельнее Пушкиной, но никогда не видывал я женщины, которая соединила бы в себе такую законченность классически правильных черт и стана. Ростом высокая, с баснословно тонкой тальей, при роскошно развитых плечах и груди, ее маленькая головка, как лилия на стебле, колыхалась и грациозно поворачивалась на тонкой шее; такого красивого и правильного профиля я не видел никогда более. (...) Да, это была настоящая красавица...».

Время, прожитое Пушкиным в доме Брискорн, прошло под знаком семейного счастья. За эти полгода вышли из печати: «Моцарт и Сальери», «Пир во время чумы», восьмая глава «Евгения Онегина», третья часть «Стихотворений Александра Пушкина». А 27 января 1932 года в бенефис актера Я.Г. Брянского на сцене Большого театра шла одна из маленьких трагедий — «Моцарт и Сальери».

И ныне музу я впервые
На светский раут привожу;
На прелести ее степные
С ревнивой робостью гляжу.
Сквозь тесный ряд аристократов,
Военных франтов, дипломатов
И гордых дам она скользит;
Вот села тихо и глядит,
Любуясь шумной теснотою,
Мельканьем платьев и речей,
Явленьем медленным гостей
Перед хозяйкой молодою
И темной рамою мужчин
Вкруг дам как около картин.
(Евгений Онегин, 8 глава, VI)

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

Дом Брискорн (Галерная улица, д. 53)

Задолго до женитьбы Пушкин, обдумывая будущую семейную жизнь, решал для себя и вопрос о месте жительства. 5 мая 1830 года он писал П.А. Плетневу: «...кажется, от Петербурга не отделаюсь». За месяц до свадьбы поэт делился с ним же своими планами: «Я женюсь в сем месяце, полгода поживу в Москве, летом приеду к вам. Я не люблю московской жизни. Здесь живи не как хочешь — как тетки хотят. Теща моя та же тетка. То ли дело в Петербурге! заживу себе мещанином припеваючи, независимо и не думая о том, что скажет Марья Алексевна».

Проведя лето в Царском Селе, Пушкин вернулся в Петербург и занял в доме на Галерной квартиру в бельэтаже с двумя балконами.

Небольшой особняк на Английской набережной принадлежал тайному советнику Федору Максимовичу Брискорну. Другим фасадом здание выходило на Галерную улицу. После смерти его владельца в 1829 году вдова Брискорна выстроила на Галерной улице доходный дом. Он отмечен мемориальной доской. Пушкин здесь жил с осени 1831 по весну 1832 года. Это была первая городская семейная квартира поэта.

Жена Пушкина Наталья Николаевна была редкой красавицей. Пушкин женился не вдруг, «без упоения, без ребяческого очарования» и страсти. Красота будущей жены представлялась поэту неизменным условием.

А.С. Пушкин

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украсить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному сужденью знатоков.

В простом углу моем, средь медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель -

Она с величием, он с разумом в очах -
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

Восемнадцатилетняя Н. Н. Гончарова прельщала, однако, не только своею красотой. Хорошо образованная, она имела веселый нрав, отличалась ловкостью, хорошо держалась в седле, играла в шахматы. Пушкин очень ценил естественность ее поведения, ее манеру держаться, ее доверчивый и открытый характер, ее «милый, простой, аристократический тон».

А.С. Пушкин

Поэту

Сонет

Поэт! не дорожи любовью народной.
Восторженных похвал пройдет минутный шум;
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной:
Но ты останься тверд, спокоен и угрюм.

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд;
Всех строже оценить умеешь ты свой труд.
Ты им доволен ли, взыскательный художник?

Доволен? Так пускай толпа его бранит
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

1831

Евгений Онегин.

Глава Первая

LVII

Замечу кстати: все поэты —
Любви мечтательной друзья.
Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после муза оживила:
Так я, беспечен, воспевал
И деву гор, мой идеал,
И пленниц берегов Салгира.
Теперь от вас, мои друзья,
Вопрос нередко слышу я:
«О ком твоя вздыхает лира?
Кому, в толпе ревнивых дев,
Ты посвятил ее напев?»

LVIII

Чей взор, волнуя вдохновенье,
Умильной лаской наградил
Твое задумчивое пенье?
Кого твой стих боготворил?»
И, други, никого, ей-богу!
Любви безумную тревогу
Я безотрадно испытал.
Блажен, кто с нею сочетал
Горячку рифм: он тем удвоил
Поэзии священный бред,
Петрарке шествуя вослед,
А муки сердца успокоил,
Поймал и славу между тем;
Но я, любя, был глуп и нем.

Михайловский театр

Императорский Михайловский театр открылся в 1833 г. по указу императора Николая I.

Своим названием театр обязан великому князю Михаилу, младшему сыну Павла I: Михайловский дворец, расположенный на площади Искусств, служил великому князю резиденцией, а театр стал камерной сценой, принимавшей высокопоставленных гостей из числа императорской семьи и приближённых.

Великий князь Михаил Павлович, портрет Ивана Крамского

Здание театра возведено по проекту А.П. Брюллова при участии А.М. Горностаева. Архитектору удалось органично вписать фасад в созданный К. Росси ансамбль площади.

До революции у Михайловского театра не было постоянной труппы. Не было и определенного репертуара. В помещении театра выступала труппа Александринского театра, гастролировали постоянно французские и иногда немецкие артисты. В его стенах проходили и оперные спектакли.

Среди выступавших в разные годы на сцене Михайловского театра можно отметить оркестр под управлением Иоганна Штрауса, Люсьена Гитри, Матильду Кшесинскую, Федора Шаляпина, труппу Сары Бернар. Частыми посетителями представлений были А. С. Пушкин, В. А. Жуковский, Л. Н. Толстой, П. И. Чайковский.

А.С. Пушкин Послание В.Л. Пушкину

Скажи, парнасский мой отец,
Неужто верных муз любовник
Не может нежный быть певец
И вместе гвардии полковник?
Ужели тот, кто иногда
Жжет ладан Аполлону даром,
За честь не смеет без стыда
Жечь порох на войне с гусаром
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера,
Вот, кажется, святая вера
Дней наших всякого певца.
Я шлюсь на русского Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоского певца;
Не нужно мне его примера <...>
Ты скажешь: "Перестань, болтун!
Будь человек, а не драгун;
Парады, караул, ученья -
Всё это оды не внушит,
А только душу иссушит...
Послушай дяди, милый мой:
Ступай себе к слепой Фемиде
Иль к дипломатике косой!
Кропай, мой друг, посланья к Лиде,
Оставь военные грехи
И в сладостях успокоенья
Пиши сенатские решенья
И пятистопные стихи <...>
Всё так, почтенный дядя мой,
Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашею судьбой.

Смешон, конечно, мирный воин,
И эпиграммы самой злой
В известных "Святках" он достоин.
Но что прелестней и живей
Войны, сражений и пожаров,
Кровавых и пустых полей,
Бивака, рыцарских ударов?
И что завидней бранных дней
Не слишком мудрых усачей,
Но сердцем истинных гусаров
Они живут в своих шатрах,
Вдали забав и нег и граций,
Как жил бессмертный трус Гораций
В тибурских сумрачных лесах;
Не знают света принужденья,
Не ведают, что скука, страх;
Дают обеды и сраженья,
Поют и рубятся в боях.
Счастлив, кто мил и страшен миру;
О ком за песни, за дела
Гремит правдивая хвала;
Кто славил Марса и Темиру
И бранную повесил лиру
Меж верной сабли и седла.
Но вы, враги трудов и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья
Шепну вам на ухо: вы правы,
И с вами соглашаюсь я!
Бог создал для себя природу,
Свой рай и счастье глупцам,
Злословие, мужчин и моду,
Конечно, для забавы дам,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всех, - а нам
Уединенье и свободу!

1817

Коллегия иностранных дел (Английская наб., д. 32)

Сюда из Лицея в небольшом чине коллежского секретаря был выпущен в 1817 году девятнадцатый по рангу успеваемости воспитанник Александр Пушкин. Между тем юноша мечтал о военной службе; он помышлял о гусарском полку, где в те годы служили некоторые из его друзей. Для подобной службы Пушкин был достаточно развит и тренирован физически. Но служба в гвардии грозила большими расходами, и намерения сына пресек Сергей Львович.

Вместе с Пушкиным пошли на службу в Коллегию иностранных дел его лицейские друзья: С. Г. Ломоносов, В. К. Кюхельбекер, А. М. Горчаков. Здесь же Пушкин познакомился с Грибоедовым: «Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества,— все в нем было необыкновенно привлекательно», — писал поэт.

Пушкина совершенно не интересовала дипломатическая карьера. О дипломатах Пушкин пишет в 1817 году с иронией:

Почтен, кто глупости людской
Решит запутанные споры;
Умен, кто хитрости рукой
Переплетает меж собой
Дипломатические вздоры
И правит нашу судьбой.

О том, что служебная карьера мало привлекала Пушкина, говорит поэт в лицейском стихотворении «Товарищам»:

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! Немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак...

Предпочитая служебной карьере красный колпак — символ Французской революции, — Пушкин воспевал независимость, свободу, поэзию.

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

А.С. Пушкин. Евгений Онегин

Первая глава

XVIII

Волшебный край! там в стары годы,
Сатиры смелый властелин,
Блистал Фонвизин, друг свободы,
И переимчивый Княжнин;
Там Озеров невольны дани
Народных слез, рукоплесканий
С младой Семеновой делил;
Там наш Катенин воскресил
Корнеля гений величавый;
Там вывел колкий Шаховской
Своих комедий шумный рой,
Там и Дидло венчался славой,
Там, там под сению кулис
Младые дни мои неслись.

XIX

Мои богини! что вы? где вы?
Внемлите мой печальный глас:
Всё те же ль вы? другие ль девы,
Сменив, не заменили вас?
Услышу ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полет?
Иль взор унылый не найдет
Знакомых лиц на сцене скучной,
И, устремив на чуждый свет
Разочарованный лорнет,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я зевать
И о былом вспоминать?

XX

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла — все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

XXI

Все хлопает. Онегин входит,
Идет меж кресел по ногам,
Двойной лорнет скосясь наводит
На ложи незнакомых дам;
Все яруссы окинул взором,
Всё видел: лицами, убором
Ужасно недоволен он;
С мужчинами со всех сторон
Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

А.С. Пушкин. Мои замечания об русском театре

<отрывок>

<...> Что такое наша публика?

Пред началом оперы, трагедии, балета молодой человек гуляет по всем десяти рядам кресел, ходит по всем ногам, разговаривает со всеми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?» — «От Семеновы, от Сосницкой, от Колосовой, от Истоминой». — «Как ты счастлив!» — «Сегодня она поет — она играет, она танцует — похлопаем ей — вызовем ее! она так мила! у ней такие глаза! такая ножка! такой талант!..» — Занавес подымается. Молодой человек, его приятели, переходя с места на место, восхищаются и хлопают. Не хочу здесь обвинять пылкую, ветреную молодость, знаю, что она требует снисходительности. Но можно ли полагаться на мнения таковых судей?

Часто певец или певица, заслужившие любовь нашей публики, фальшиво дотягивают арию Бозльде или della Maria. Знатки примечают, любители чувствуют, они молчат из уважения к таланту. *Прочие* хлопают из доверенности и кричат форо из приличия.

Трагический актер заревет громче, сильнее обыкновенного; оглушенный раёк приходит в иступление, театр трещит от рукоплесканий.

Актриса... Но довольно будет, если скажу, что невозможно ценить таланты наших актеров по шумным одобрениям нашей публики.

Еще замечание. Значительная часть нашего партера (т.е. кресел) слишком занята судьбою Европы и отечества, слишком утомлена трудами, слишком глубокомысленна, слишком важна, слишком осторожна в изъявлении душевных движений, дабы принимать какое-нибудь участие в достоинстве драматического искусства (к тому же русского). И если в половине седьмого часу одни и те же лица являются из казарм и совета занять первые ряды абонированных кресел, то это более для них условный этикет, нежели приятное отдохновение. Ни в каком случае невозможно требовать от холодной их рассеянности здравых понятий и суждений, и того менее — движения какого-нибудь чувства. Следовательно, они служат только почтенным украшением Большого каменного театра, но вовсе не принадлежат ни к толпе любителей, ни к числу просвещенных или пристрастных судей.

Еще одно замечание. Сии великие люди нашего времени, носящие на лице своем однообразную печать скуки, спеси, забот и глупости, неразлучных с образом их занятий, сии всегдашние передовые зрители, нахмуренные в комедиях, зевающие в трагедиях, дремлющие в операх, внимательные, может быть, в одних только балетах, не должны ль необходимо охлаждать игру самых ревностных наших артистов и наводить лень и томность на их души, если природа одарила их душою?

«И пред созданьями искусств и вдохновенья...»

Академия художеств на Университетской наб., дом 17

28 сентября 1836 года в Античной галерее и прилегающих к ней залах Академии художеств открылась выставка, на которой было представлено несколько сот новых работ русских художников. Пушкин посетил эту выставку.

Особый интерес поэта вызвали работы Н.С. Пименова и А.В. Логановского. Пушкин был в восторге от скульптур, изображающих народные игры в бабки и свайку. Это были новые для скульптуры того времени сюжеты, и Пушкин горячо приветствовал их. При первом взгляде на группу Пименова Пушкин сказал: «Слава Богу, наконец и скульптура в России явилась народная».

Долго всматриваясь и отходя на разные расстояния, поэт в заключение вынул записную книжку и тут же написал экспромт:

На статую играющего в бабки

Юноша трижды шагнул, наклонился, рукой о колено
Бодро опёрся, другой поднял меткую кость.
Вот уж прицелился... прочь! раздайся, народ любопытный,
Врозь расступись; не мешай русской удалой игре.

Пушкин высоко оценил скульптуры; он сравнивал работу Пименова с шедевром мировой скульптуры — античной статуей дискобола работы Мирона (V век до нашей эры).

Стихотворение-экспромт посвятил Пушкин и А. В. Логановскому.

На статую играющего в свайку

Юноша, полный красы, напряженья, усилия чуждый,
Строен, легок и могуч,— тешится быстрой игрой!
Вот и товарищ тебе, дискобол! Он достоин, клянусь,
Дружно обнявшись с тобой, после игры отдыхать.

В Академии художеств находилась мастерская К. П. Брюллова, творчество которого Пушкин высоко ценил; кроме того, поэта и художника связывали узы дружбы.

В 1834 году в залах Академии выставлялась картина К. Брюллова «Последний день Помпеи». Пушкин посвятил ей стихотворение, в котором с замечательным лаконизмом передал динамику и краски живописного полотна:

Везувий зев открыл — дым хлынул клубом — пламя
Широко разлилось, как боевое знамя.
Земля волнуется — с шатнувшихся колонн
Кумиры падают! Народ, гонимый страхом,
Толпами, стар и млад, под воспаленным прахом,
Под каменным дождем, бежит из града вон.

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

А.С. Пушкин
Вольность <отрывок>

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор -
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная Власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела - Рабства грозный Гений
И Славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с Вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где не подкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает Закон - а не природа;
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас Закон.

<...>

Самовластительный Злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец
На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец -

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит - в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказания, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главы
Под сень надежную Закона,
И станут вечной стражей трона
Народов вольность и покой.

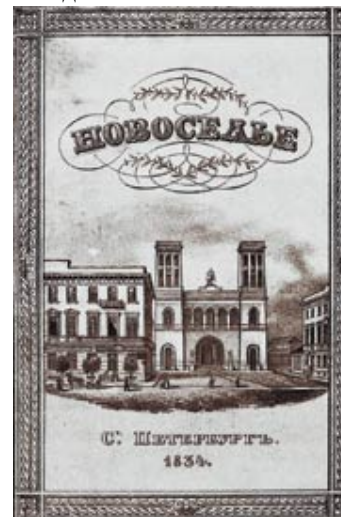
Часть 2. Светская жизнь

Невский проспект. Книжная лавка А.Ф. Смирдина

В декабре 1831 года среди иноязычных имен, пестревших на фасаде одного из домов между Большой и Малой Конюшенными улицами (ныне дом 22), под балконом второго этажа появилась вывеска: «Книжный магазин Александра Смирдина».

В Петербурге Пушкин знал все книжные магазины и тратился на книги, по его выражению, как «стекольник на алмазы». Поэт постоянно посещал библиотеки и книжные лавки И.В. Слёнина на Невском проспекте (дом 30); бывал в магазине Плюшара на Невском проспекте в доме Косиковского (ныне — дом 5), в лавке И. Т. Лисенкова на Садовой улице (сейчас — дом 26) и в других.

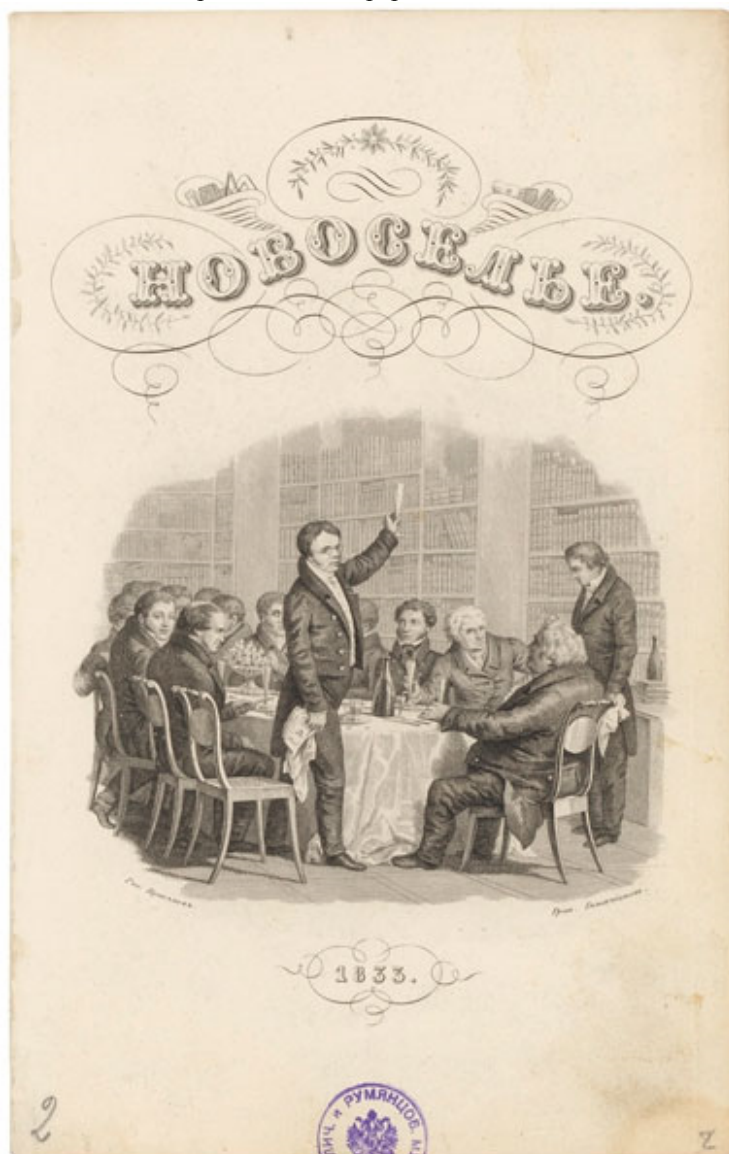
В магазине Слёнина Пушкин видел старинную копию с картины Рафаэля «Мадонна». Этот образ напоминал поэту его невесту Наталью Николаевну Гончарову. В июле 1830 года он писал ей из Петербурга в Москву: «Прекрасные дамы просят меня показать ваш портрет и не могут простить мне, что его у меня нет. Я утешаюсь тем, что часами простаиваю перед белокурой мадонной, похожей на вас как две капли воды; я бы купил ее, если бы она не стоила 40 000 рублей». Тогда же Пушкин создал стихотворение «Мадонна».

Смирдин был первым издателем, установившим неслыханно высокие гонорары литераторам, что способствовало профессионализации, а стало быть, и развитию русской литературы. Пушкину Смирдин платил по червонцу за строчку, и поэт с гордостью говорил о своем писательском труде: «...я богат через мою торговлю стишистой, а не прадедовскими вотчинами...» В то же время, по словам В. Г. Белинского, Смирдин «произвел решительный переворот в русской книжной торговле» — он сделал книгу доступной по цене для небогатых людей.

Виньетка, которую можно встретить, вероятно, в любом пушкинском издании, ценна своей документальностью. Авторы ее, художник Александр Павлович Брюллов и гравер Степан Филиппович Галактионов, постоянно сотрудничали в смирдинских изданиях, и о них не забыл Смирдин, посылая приглашения на обед. Во время трапезы, длившейся несколько часов, Брюллов, несомненно, делал наброски и эскизы. Известный архитектор и портретист, он блестяще справился со своей задачей: в

крохотном рисунке с точностью миниатюры запечатлел главных участников обеда, создав достовернейшие их портреты.

Литературный обед в книжной лавке Л. Ф. Смирдина. Виньетка к альманаху «Новоселье». Гравюра С. ф. Галактионова по рисунку А. П. Брюллова. 1833.

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

собирались сановники и дипломаты, представители творческих профессий, ценители искусства, образованная талантливая молодежь, читались недавно изданные литературные произведения и рукописные варианты, обсуждались последние новости: «Здесь можно было обменяться мнениями по поводу политических событий в России и за границей». Подчас беседы касались таких политических известий, упоминание о которых в печати было запрещено. В салон Лавалей были вхожи Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, А.С. Пушкин, которым в 1819 г. здесь впервые была прочитана ода «Вольность». Александра Григорьевна Лаваль – хозяйка салона – находилась в дружеских отношениях с Жармен де Сталь, в парижский салон которой она ввела С.Г. Волконского. Дочь И.С. Лавалья, Екатерина Ивановна, вышла замуж за полковника С. П. Трубецкого, деятеля тайного общества Союз благоденствия. Молодожены поселились на нижнем этаже правого крыла дома, где бывали П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, В.К. Кюхельбекер. 1825 г. стал для семейства Лавалей трагическим задолго до 14 декабря: в апреле единственный сын Владимир покончил жизнь самоубийством. В своем донесении царю А.Х. Бенкендорф назвал причиной поступка В.И. Лавалья его «вольнодумство». После разгрома восстания 14 декабря в дом Лавалей, имевший общую стену со зданием Сената, спешили многие с целью укрыться от преследования.

К 20-м гг. XIX в. салоны приобрели значение своеобразного стилистического «кода эпохи». Они сыграли определяющую роль в развитии литературного профессионализма, становлении литературных авторитетов, признали занятие художественным творчеством важнейшей составляющей образованного человека. Интеллектуальная атмосфера, характер салонных бесед создавали модель конкурентного общества, где социальный статус не наследовался, а достигался собственными усилиями, требующими постоянного подтверждения. Важен сам этап салонного творчества, на протяжении которого была разрушена кастовость литературной элиты. Салоны Александровского царствования стали не только пространством подлинной культуры общения, дружеского и профессионального, но и мастерскими слова, где складывалась традиция ведения интеллектуальной утонченной беседы, оттачивалось умение ясно и образно мыслить, остроумно и захватывающе говорить. В одной из своих телевизионных лекций Ю.М. Лотман отметил: «Там, где нет малых коллективов, там нет больших культур». Салоны эпохи Александра I составили мозаику творчества малых коллективов, на основе которой созидалась русская культура «Золотого века».

<http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/tourism/tur.and.space.3.php>

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ САЛОНЫ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Салоны первой четверти XIX в. в России сыграли заметную роль в формировании художественно-эстетических вкусов публики, расширении социальной среды проникновения идей свободомыслия. Здесь завязывались знакомства, находили друг друга единомышленники, составлялись творческие проекты. Современники объединялись в салонах по призванию, своим дарованиям и способностям, исходя из взаимной привязанности, симпатии, сходства образа жизни, по принципу родственных и дружеских связей, соседства. Если на полях сражений формировался героический дух эпохи, то в салонах, гостиных, кружках закладывался и со временем реализовывался интеллектуальный, нравственный и эстетический потенциал их вдохновителей и посетителей.

В салонах обсуждались текущие социально-политические проблемы без предварительной заданности сюжетов и мотивов. За рассуждениями о светской жизни умело скрывался политический подтекст салонного общения. В непринужденной дружеской беседе разворачивались дискуссии о тех событиях и явлениях, которые волновали собеседников, спектр обсуждаемых вопросов не был регламентирован и табуирован. Во многих салонах было решено обходить вниманием политические проблемы, вызывавшие продолжительные споры, однако, часто было трудно ограничиваться разговорами об искусстве и литературе, поэтому вопросы культуры обсуждались на фоне социальных, философских, политических проблем современности. В салонах, гостиных, литературных кружках, определявших, особенно в 20-е гг., интеллектуальные и художественно-эстетические потребности столичной и, в меньшей степени, провинциальной публики, и становившихся реальной и неотъемлемой стороной жизни просвещенного дворянства, формировалось общественное мнение. В них складывалось салонное мировоззрение, воздействующее на социальную среду. Другой, не менее важной функцией салонов, явилась их коммуникативная роль в обществе при слабом развитии сети источников информации, где ведущее место принадлежало официальному.

Дом Лавалей в Петербурге на Английской набережной считался одним из лучших в столице. По проектам А. Н. Вороникина был выполнен интерьер: расписаны потолки в стиле помпейских фресок, пол выложен мраморными плитами из римского дворца Нерона. Коллекция античных скульптур, старинных картин и гравюр была включена в путеводитель как петербургская достопримечательность. Великосветский салон графа И. С. Лавалей служил одновременно литературной гостиной. Неслучайно многие салоны именовались литературными: чтение, декламация стихов стали едва ли не главным занятием их посетителей. По субботам и средам у Лавалей

Демутов трактир, дом Тиран на набережной реки Мойки, д. 40

Старейшая в Петербурге гостиница Демута, или Демутов трактир, как называли ее петербуржцы, в пушкинские времена считалась одной из лучших в городе. Филипп Якоб Демут построил ее в 70-е годы XVIII века на Мойке, близ Невского проспекта. Другой стороной дом выходил на Большую Конюшенную улицу. Постояльцев в гостинице всегда было много еще и потому, что номера здесь сдавались «на всякие вкусы и достатки». Небольшие, плохо освещенные номера с окнами во двор занимали нечиновные иностранцы, приехавшие в Россию в поисках заработка. В другой половине — окнами на улицу — в комфортабельных апартаментах жили богатые и знатные путешественники. Некоторые из них занимали здесь помещения в восемь комнат, с салоном, будуаром, столовой и спальней. Иные постояльцы жили в Демутовом трактире подолгу и обставляли комнаты по своему вкусу.

По всей вероятности, Пушкин впервые увидел гостиницу Демута в 1811 году, когда Василий Львович привез племянника в Петербург, чтобы определить в Царскосельский лицей. Впоследствии же, в зрелом возрасте, вся холостая петербургская жизнь Пушкина была связана с этой гостиницей. К.А. Полевой писал: «Он жил в гостинице Демута, где занимал бедный номер, состоявший из двух комнаток. (...) Оставаясь дома все утро, начинавшееся у него поздно, он, когда был один, читал, лежа в постели, а когда к нему приходил гость, он вставал с своей постели, усаживался за столик с туалетными принадлежностями и, разговаривая, обыкновенно чистил, обтачивал и приглаживал свои ногти, такие длинные, что их можно назвать когтями... он был удивительно умен и приятен в разговоре, касавшемся всего, что может занимать образованный ум».

В гостинице Демута жил П.Я. Чаадаев. В 1817 году его назначили адъютантом генерала И.В. Васильчикова, и он переехал из Царского Села в Петербург и поселился у Демута. Чаадаев поражал окружающих многогранностью своей натуры: иные его черты казались неожиданными. Так, широко было известно его внимание к своей внешности, его искусство одеваться. Это его имел в виду Пушкин, создавая образ Онегина, — он назвал своего героя «второй Чаадаев». По внешнему облику, стилю жизни друг поэта был более других родствен онегинскому типу и дал немало материала Пушкину для зарисовки быта своего героя. Несомненно, что детали обстановки комнат Чаадаева в Демутовом трактире нашли отражение в описании кабинета Онегина в первой главе романа:

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

Первая глава

XXIII

Изобразю ль в картине верной
Уединенный кабинет,
Где мод воспитанник примерный
Одет, раздет и вновь одет?
Все, чем для прихоти обильной
Торгует Лондон шепетильный
И по Балтийским волнам
За лес и сало возит нам,
Все, что в Париже вкус голодный,
Полезный промысел избрав,
Изобретает для забав,
Для роскоши, для неги модной, —
Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.

XXIV

Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И, чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривые
И щетки тридцати родов
И для ногтей и для зубов.
Руссо (замечу мимоходом)
Не мог понять, как важный Грим
Смел чистить ногти перед ним,
Красноречивым сумасбродом.
Защитник вольности и прав
В сем случае совсем неправ.

XXV

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей:
К чему бесплодно спорить с веком?
Обычай деспот меж людей.
Второй Чадаев, мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт.
Он три часа по крайней мере
Пред зеркалами проводил
И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад.

XXVI

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б это было смело,
Описывать мое же дело:
Но *панталоны, фрак, жилет,*
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюся пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо б меньше мог
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.

Английская набережная

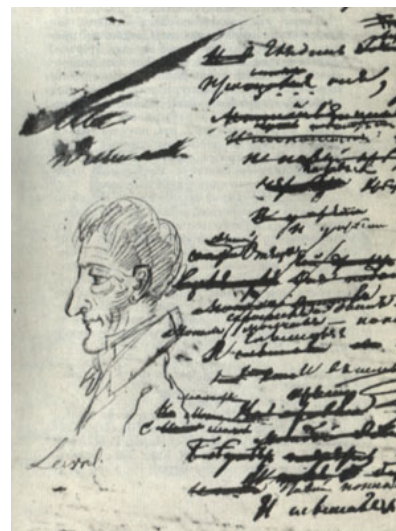
Дом Лавалей (Английская наб., д. 4)

На ступенях у входа лежат два гранитных спящих льва. За парадной дверью — прекрасная лестница.

Дом был построен в XVIII веке, затем перестроен в начале XIX века по проекту архитектора Тома де Томона при участии А. Н. Воронихина; в отделке комнат принимал участие архитектор и художник А. П. Брюллов.

Супруги Лаваль превратили свой дом в своеобразный музей. Уникальное собрание этрусских ваз, египетских редкостей, античные скульптуры, редкие картины поражали внимание гостей семьи Лаваль. Обширная библиотека хранила собрание старинных гравюр и книг. Гостеприимные «субботы» и «среды» Лавалей привлекали множество гостей. Здесь бывали дипломаты и сановники, выдающиеся литераторы, художники, музыканты, ценители искусств.

В 1817 году здесь появляется Пушкин. Хозяйка салона Александра Григорьевна, блестяще образованная и умная, с удовольствием видела у себя молодого поэта.

У Лавалей в 1819 году Пушкин прочел свою оду «Вольность». На листе одной пушкинской рукописи есть карандашный набросок портрета И.С. Лавалей, под ним подпись «Laval».

Привычное течение жизни в графском доме оборвалось 14 декабря 1825 года. Дочь Лавалей Екатерина Ивановна была замужем за С. П. Трубецким, видным декабристом. В обширном кабинете Трубецкого, окна которого выходили на Неву, иногда собирались деятели тайного общества.

14 декабря 1825 г. здесь, в особняке Лавалей, пытались спрятаться некоторые участники восстания, бежавшие с площади. Дом оцепили войска. При обыске в ванной комнате Екатерины Трубецкой нашли разобранный типографский станок. Екатерина Ивановна Трубецкая первой из жен декабристов последовала за своим мужем в Сибирь.

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

А.С. Пушкин Медный всадник

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный чёлн
По ней стремился одиноко.
По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца;
И лес, неведомый лучам
В тумане спрятанного солнца,
Кругом шумел.

И думал он:
Отсель грозить мы будем шведу,
Здесь будет город заложен
На зло надменному соседу.
Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно (1),
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам
И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво;
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у низких берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхой невод, ныне там,
По оживленным берегам,
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева;
Мосты повисли над водами;
Темнозелеными садами
Ее покрылись острова,
И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгой, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой;
Девичьи лица ярче роз,
И блеск и шум и говор балов,
А в час пирушки холостой
Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту,
В их стройно зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
На сквозь простреленных в бою.
Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром,
Когда полнощная царица
Дарует сына в царской дом,
Или победу над врагом
Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед,
Нева к морям его несет,
И, чуя вешни дни, ликует.

Из истории этикета. Визиты

«Первая обязанность света – визиты»

Ф. Булгарин, сравнивая в романе «Иван Выжигин» быт московского и петербургского дворянства, отмечает: «Здесь не просят так, как в Москве, с первого знакомства каждый день к обеду и на вечер, но зовут из милости, и в Петербурге, где все люди заняты делом или бездельем, нельзя посещать знакомых иначе, как только в известные дни, часы и на известное время».

Обязательными были визиты по случаю приезда. Перед отъездом являлись к родным и знакомым с прощальными визитами. «Для изъявления участия» делали визиты к больным.

Получение приглашения, согласно правилам светского этикета, требовало ответа. К примеру, сохранилась записка А.С. Грибоедова к А.И. Колечицкой (подлинник по-французски):

«Мадам!

Неприменно мы будем иметь честь явиться к вам, прежде чем поехать на концерт; я радуюсь предстоящему удовольствию провести с вами несколько приятных часов. Ваш слуга Грибоедов»

Отказ следовало выражать в «изысканно вежливой форме»: «Крайне огорчен, князь, быть лишенным удовольствия присутствовать на вашем собрании, тому причина мое недомогание. Рассчитываю на вашу любезность, надеюсь, что вы доставите мне удовольствие отужинать у нас сегодня вечером. Вы меня очень обяжете, согласившись на мое приглашение. Преданный вам Александр Грибоедов».

Из книги: Лаврентьева Е. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. М., 2007.

Кондитерская Вольфа и Беранже

На левой стороне Невского, где его пересекает Мойка, под номером 18 высится торжественное, впечатляющее здание, вошедшее в историю главной магистрали города как дом Котомина. Жителям Петербурга оно больше известно знаменитой кондитерской Вольфа и Беранже, которая располагалась на углу дома. Сейчас там Литературное кафе.

Купец Котомин, некогда крепостной князей Куракиных, за двадцать лет сколотил огромное состояние и решил на месте заурядного дома построить дом-дворец, как бы соревнующийся в красоте со стоящим на противоположной стороне Невского куракинским домом с колоннами.

Может быть, это чистая случайность, а может, и тщеславный замысел определил выбор именно этого места. И уж несомненно желал Котомин,

чтобы принадлежащее ему здание соперничало по красоте с княжеским домом.

Архитектор Стасов украшает новостроящееся здание величественным портиком, а по углам дома создает оригинальные четырехколонные лоджии.

На том углу дома Котомина, который обращен к Мойке, открылась одна из самых знаменитых кондитерских Невского проспекта. О ней газетчики писали как о храме лакомства и мотовства, как о произведениях искусства, созданных из сахара, шоколада, безе. Здесь и фигуры рыцарей, и портреты, и бюсты знаменитых людей, фигурки различных животных и сказочные замки. Появилась эдакая кулинарно-педагогическая азбука, созданная из экзотических сладостей. Теперь уже трудно установить: помогал ли нерадивым ученикам такой способ быстрее овладеть алфавитом.

27 января 1837 года, около четырех часов дня, в угловой подъезд, где находилась кондитерская, пришел А.С. Пушкин. Он дождался здесь своего секунданта Данзаса. До роковой дуэли оставалось менее часа. Отсюда он последний раз смотрел на любимый Невский проспект. Встреча состоялась. Поэт выпил стакан воды или лимонада (Данзас не запомнил). Они сели в сани, чтобы ехать к Черной речке.

Несколько дней спустя после гибели Пушкина в кондитерской из рук в руки переходили гневные стихи юного Лермонтова «На смерть поэта».

Дом Котомина. Фрагмент «Панорамы Невского проспекта». Литография П.С. Иванова с рис. В.С. Садовникова. 1835

взгляда кажется. Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного».

В поэме торжественное описание Петербурга сменяют трагические картины разрушения под натиском разбушевавшейся стихии. Наводнение несет с собой гибель и страдания прежде всего петербургской бедноте. На одном из мраморных львов на крыльце дома А.Я. Лобанова-Ростовского (Адмиралтейский пр., 12) спасался от наводнения маленький чиновник Евгений:

Тогда на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижим, страшно бледный,
Евгений. Он страшился, бедный
Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал,
Ему подошвы подмывая,
Как дождь ему в лицо хлестал,
Как ветер, буйно завывая,
С него и шляпу вдруг сорвал.
Его отчаянные взоры;
На край один наведены
Недвижно были.

В ту пору деревьев между домом Лобанова-Ростовского и памятником Петру I не было, и Евгений ясно видел, как

...обращен к нему спиною
В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне.

С сочувствием рисует Пушкин героя поэмы — обитателя Коломны, потерявшего во время наводнения свою невесту Парашу, которая жила «почти у самого залива», Евгений видит «кумира на бронзовом коне» обращенным; спиною к нему, ко всему, что делается с городом, с тысячами маленьких людей во время наводнения. Великое государственное дело свершалось без мысли о всех его последствиях, о возможных бедствиях и страданиях народных,— говорит этим символом Пушкин.

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

Медный всадник

В 1833 году поэт закончил работу над поэмой «Медный всадник», которую он сам называл «петербургскою повестью». Петербург в ней — место действия, основная тема, объект эстетического восхищения.

Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой ее гранит,
Твоих оград узор чугунный,
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный,
Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампады,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла,
И, не пуская тьму ночную
На золотые небеса,
Одна заря сменить другую
Спешит, дав ночи полчаса.
Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой
Девичьи лица ярче роз...

В 30-е годы все больше интересовала Пушкина русская история, а в ней — личность Петра Первого, который, с точки зрения поэта, «один есть целая всемирная история».

Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта!
А в сем коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?

Сюжет поэмы «Медный всадник» типично петербургский. Действие происходит во время наводнения 1824 г. Пушкин не был свидетелем этого стихийного бедствия. Он находился в ту пору в ссылке в Михайловском. Но узнав о наводнении из писем родных, он живо откликнулся на бедственное положение пострадавших петербуржцев. 4 декабря 1824 г. Пушкин писал брату: «Этот потоп с ума мне нейдет, он вовсе не так забавен, как с первого

Ресторан Talon

К *Talon* помчался: он уверен,
Что там уж ждет его Каверин.
Вошел: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток;
Пред ним *roast-beef* окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Страсбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым.

Евгений Онегин, 1 глава, XVII

Наб. реки Мойки, 59 / Невский пр., 15 / Большая Морская ул., 14

Современные здания на углу Невского проспекта и набережной реки Мойки стали живой легендой всей истории Санкт-Петербурга. Это одни из старейших зданий Невского проспекта (только Аничков и Строгановский дворцы были построены раньше). Здание расположено на пересечении трех улиц. Некоторое время в нем располагался шахматный, затем музыкальный клуб, где проводились концерты и маскарады, среди гостей которых были А. Радищев, Д. Фонвизин и Дж. Кваренги. Затем в здании располагались популярные рестораны «Талон» и «Фелета».

В марте-ноябре 1755 г. Ф. Растрелли построил на этом участке деревянный дворец для императрицы Елизаветы Петровны. Он поражал своей роскошью. Огромное здание включало более 155 помещений. Вдоль Невского проспекта шла анфилада парадных апартаментов. Вглубь участка простирался огромный тронный зал, картинная галерея - Эрмитаж, за ним размещалась кухня со многими очагами. По набережной реки Мойки устроены также парадные и жилые помещения, а также великолепный театр с амфитеатром зала и громадной сценой. Помещения имели роскошную барочную отделку – наборные паркеты, резные золоченые и посеребрённые детали по чертежам Б.-Ф.Растрелли, живописные плафоны, выполненные придворным живописцем Дж. Валериани, зеркала, канделябры...

В 1767 г. Екатерина II распорядилась разобрать деревянный дворец. Не тронуты были только тронный зал, кухня под мастерскую, да жильё для скульптора Фальконе, приглашенного для создания памятника Петру I. Часть освобожденного места между Мойкой и Большой Морской вдоль Невского проспекта была пожалована Генерал-Полицеймейстеру Санкт-Петербурга Н.И.Чичерину. За три года (с 1776 по 1771 гг.) сооружено четырехэтажное здание, обращенное главным фасадом на проспект. Здание, построенное в стиле русского раннего классицизма, сохранилось до сих пор. Но архитектор,

к сожалению, неизвестен. Владелец дома снимал парадные покои третьего этажа, остальные – сдавались жильцам и под лавки. Некоторое время квартиру в этом доме занимал зодчий Джакомо Кваренги.

Здание уже тогда славилось своими роскошными залами, в которых постоянно устраивались великолепные торжества.

При Чичерине и его наследниках в доме располагалось Музыкальное общество, которое в зимнее время давало концерты, балы, маскарады.

В 1777 г. Чичерин не смог организовать спасение жителей от наводнения и был отстранен от власти. После его смерти домом владел его сын – вице-полковник Кирасирского полка. В 1792 г. наследники продают дом князю Алексею Куракину. По воспоминаниям современников, Куракин был истинным богатым вельможей екатерининского времени, но его «развратная жизнь, мотовство, хлопотливость без пользы, проекты неисполнимые и пустые, недостаточное образование - хотя при уме от природы остроумном, делали его тяжелым для подчиненных, несправедливым».

В 1799 г. дом купил богатый кораблестроитель А.И. Перетц, а в 1806 г. дом перешел к потомственному почетному гражданину купцу А.И. Косиковскому, владевшему им в течение полувека.

С конца XVIII в. в Санкт-Петербурге начали появляться французские «ресторасьоны». Один из них располагался в доме Косиковского. Хозяин этого заведения, французский повар и кулинар Пьер Талон появился в России в 1810-х гг.

В 1825 г. Талон отбыл на родину, а ресторан перешел в руки француза Фелье. Ресторан Фелье также пользовался огромной популярностью, в том числе, среди литераторов. А.С.Пушкин был поклонником ресторана и заказывал здесь блюда на дом. Известно, что незадолго до роковой дуэли хозяин ресторана получил от Пушкина заказ на доставку на дом паштета. Счет за паштет был уплачен опекой уже после гибели Пушкина.

В 1862 году в доме открылся Шахматный клуб. Позднее в доме обосновалась банковская контора «Георг Верблунер и Ко», в 1914 году - Центральный банк общества взаимного кредита.

В годы гражданской войны дом «приютил» деятелей литературы и искусства. Здесь был создан Дом искусств, «ДИСК». Жизнь обитателей ДИСКА описана в романе О.Форш «Сумасшедший корабль». В 1923 году парадные помещения дома занял новый кинотеатр «Светлая лента», где тапером работал студент консерватории Дмитрий Шостакович. С 1931 года кинотеатр называется «Баррикада».

И в настоящее время в здании размещены рестораны, кафе, кинотеатр... На протяжении столетий участок и его здания сохранили единую традицию. Здесь практически постоянно размещались крупнейшие в городе клубы, танцевальные и музыкальные общества, трактиры, затем рестораны. Этот дом всегда был и остается эпицентром вечерней жизни Санкт-Петербурга.

Источник: allcafe.ru

неудовольствие. В декабрьской записи поэт иронически сообщал, что явился на бал в треугольной шляпе с плюмажем — «не по форме: в Аничков ездят с круглыми шляпами».

Поэту приходилось сопровождать Наталью Николаевну на празднества в Зимнем дворце. Из парадных залов он уходил в тишину Военной галереи 1812 года. Здесь его окружали портреты прославленных героев Отечественной войны.

Необходимость бывать при дворе становилась невыносимой. «Все эти праздники просижу дома,— писал он жене в апреле 1834 года.— К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй меня не жаловал; третий хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но переменять его на *четвертого* не желаю; от добра добра не ищут».

В ноябре 1834 года Пушкин сказался больным и уехал из Петербурга за пять дней до открытия Александровской колонны, чтобы не присутствовать при церемонии и дворцовых празднествах «вместе с камер-юнкерами — своими товарищами».

Из книги: Зажурило В.К., Кузьмина Л.И. и др. «Люблю тебя, Петра творенье...». Л., 1989.

Из истории этикета. Придворный этикет

Александр I упростил придворный церемониал, отменил торжественные императорские выезды, предоставил дворянству большую свободу в выборе покроя одежды и форм головных уборов.

Был введен другой «порядок представления» царским особам. «При представлениях особам царской фамилии перчатку оставляют только на левой руке, потому что правой рукою приходится касаться руки императрицы при поцелуе».

Манера светского поведения уже не насаждалась указами царя. Верховным судьей нравов стало общественное мнение. А личный пример Александра, который, по словам современника, знанием приличий превосходил всех современных государей», служил эталоном светского поведения.

Николай I требовал от своих подданных строгого соблюдения правил придворного этикета.

«На аудиенции у высочайших особ должно сначала глубоко поклониться и не садиться, не получив приглашения; также не начинать разговора; а дожидаться обращения царственного лица ... »

Строжайшим образом запрещалось возражать и говорить «нет» царским особам.

Из книги: Лаврентьева Е. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. М., 2007.

Примечательно, что и установка колонны на пьедестал и открытие памятника состоялось 30 августа (11 сентября по новому стилю). Это не случайное совпадение: это день перенесения мощей святого благоверного князя Александра Невского в Санкт-Петербург, главный день празднования святого Александра Невского.

Александр Невский — небесный защитник города, поэтому ангел, взирующий с вершины Александровской колонны, всегда воспринимался прежде всего, как защитник и страж.

Французский посланник при петербургском дворе сообщает любопытные сведения об этом монументе:

По поводу этой колонны можно припомнить предложение, сделанное императору Николаю искусным французским архитектором Монферраном, который присутствовал при её иссечении, перевозке и постановке, а именно: он предлагал императору высверлить внутри этой колонны винтообразную лестницу и требовал для этого только двух работников: мужчину и мальчика с молотом, резцом и корзиной, в которой мальчик выносил бы обломки гранита по мере его высверления; наконец, два фонаря для освещения рабочих в их трудной работе. Через 10 лет, утверждал он, работник и мальчик (последний, конечно, немного вырастет) окончили бы свою винтовую лестницу; но император, по справедливости гордясь сооружением этого единственного в своем роде памятника, опасался, и, может быть, основательно, чтобы это высверление не пробило внешние бока колонны, и потому отказался от этого предложения (Барон П. де Бургоэн, французский посланник с 1828 по 1832 гг.)

«...Я пожалован в камер-юнкеры...»

«Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам), но Двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове», — записал Пушкин в дневнике 1 января 1834 года.

Камер-юнкер — низшее придворное звание, даваемое обычно юношам, начинавшим придворную карьеру. Для Пушкина это звание являлось оскорбительным. Он знал, что теперь обязан бывать вместе с женой на балах, должен посещать все придворные церемонии, увеселения, церковные службы, быть постоянно на глазах Бенкендорфа и самого царя. К камер-юнкерскому мундиру он относился, как к ненавистному шутовскому кафтану.

«Государю неугодно было, что о своем камер-юнкерстве отзывался я не с умилением и благодарностью, но я могу быть подданным, даже рабом, — но холопом и шутком не буду и у царя небесного», — записывает Пушкин в дневнике.

На балах в Аничковом дворце особенно строго соблюдался придворный этикет. 26 января 1834 года поэт записал в дневнике: «В прошедший вторник зван я был в Аничков. Приехал в мундире. Мне сказали, что гости во фраках. Я уехал...» Возмущенный император приказал передать Пушкину свое

Дом Пиковой дамы (М. Морская, д. 10)

Откроем знаменитую повесть Пушкина «Пиковая дама», самую таинственную и мистическую повесть в его творчестве. Вот Германн впервые приближается к дому старой графини: «...очутился он в одной из главных улиц Петербурга, перед домом старинной архитектуры. Улица была заставлена экипажами, кареты одна за другою катились к освещенному подъезду. Из карет поминутно вытягивались то стройная нога молодой красавицы, то гремучая ботфорта, то полосатый чулок и дипломатический башмак. Шубы и плащи мелькали мимо величавого швейцара. Германн остановился.

— Чей это дом? — спросил он у углового будочника.

— Графини ***, — отвечал будочник».

Кто же эта графиня, имя которой заменили три звездочки, и где мог находиться ее дом «старинной архитектуры»?

7 апреля 1834 года, вскоре после выхода в свет повести «Пиковая дама», Пушкин записывает в своем дневнике: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся».

Дмитрий Владимирович Голицын, вытягивался перед грозной матушкой, как перед государем. Суровый нрав Голицына унаследовала от своего деда А.И. Ушакова, начальника Тайной сыскальной канцелярии при Анне Иоанновне, известного истязателя и палача. Отцом княгини был видный дипломат граф П.Г. Чернышев. Он был сыном денщика Петра I. Государь женил своего денщика Григория Чернышева на 17-летней Евдокии Ржевской, бывшей любовнице Петра I. Таким образом, Н.П.Голицына, возможно, была внучкой царя.

Дом № 10 по Малой Морской. На фронте остатки лепного герба. При Голицыной дом был менее нарядным: отсутствовал балкон над входом, иным был рисунок окон в центре фасада. Но в основном и внешний, и внутренний облик дома сохранился.

Просторный вестибюль. Парадная мраморная лестница ведет к камину на площадке. Над ним высокое полукруглое зеркало, а в нем небольшие круглые часы. Полустершиеся римские цифры на циферблате. Внизу надпись: «Leroу Paris». Интересно, что Германну, когда он шел по дому Пиковой дамы, повстречались столовые часы работы «славного Leroу».

За несколько месяцев до создания «Пиковой дамы» Пушкин жил совсем близко от дома Голицыной. Его квартира находилась в доме Жадимеровского на углу Большой Морской и Гороховой. Поэт не раз проходил мимо дома княгини и той полицейской будки, что стояла на углу Малой Морской и Гороховой. Не к этой ли будке приблизится вскоре пушкинский Германн?

История с тремя картами взята из жизни. Внук Голицыной Сергей Григорьевич Голицын (по прозвищу Фирс) был в приятельских отношениях с Пушкиным. Фирс любил поэзию, музыку. Но, пожалуй, больше всего любил карты. Однажды после крупного проигрыша он пришел просить денег у своей богатой бабки. Скупая Наталья Петровна вместо денег дала внуку совет поставить на три карты и таким образом отыграться, что это были за карты, неизвестно. Каково же было удивление Фирса, когда он шутя поставил на три карты, названные Голицыной, и неожиданно с лихвой вернул проигрыш. Эта история стала известна Пушкину.

Скончалась Наталья Петровна на 98-м году жизни и была похоронена в родовой усыпальнице князей Голицыных в Донском монастыре. Ее сын Дмитрий Владимирович Голицын повелел начертать на надгробной плите под гербами князей Голицыных и графов Чернышевых: «Под сим знаком погребено тело супруги бригадира, статс-дамы и ордена святой Екатерины первой степени кавалерственной княгини Наталии Петровны Голицыной, урожденной Чернышевой, скончавшейся в 1837 — декабря 20 дня в 11 часов пополудни на 98 году от рождения, родилась января 17 дня 1739-го...»

Почти на год пережила она обесмертившего ее Пушкина. После смерти княгини ее дом на Малой Морской был приобретен казной. В нем поселился военный министр А.И. Чернышев. Генерал-адъютант Чернышев снискал расположение Николая I после восстания декабристов. Назначенный членом Чрезвычайной следственной комиссии, он проявил особое усердие, допрашивая арестованных декабристов.

В 1852 году в память двадцатипятилетнего пребывания Чернышева на посту военного министра император подарил ему особняк Голицыной в вечное и потомственное владение. На фронте дома появился герб князей Чернышевых. Видимо, при новом владельце и был частично перестроен дом на Малой Морской, но опочивальня и соседние с ней помещения остались в прежнем виде.

Источник: http://o-pitere.ru/text/zagadka_doma_pikovej_dami.htm

Часть 3. Поэт и власть

Exegi monumentum

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не заростет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрийского столпа.

Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит —
И славен буду я, доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокой век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно,
И не оспаривай глупца.

21 августа 1836

Александрийская колонна

Этот памятник дополнил композицию Арки Главного штаба, которая была посвящена победе в Отечественной войне 1812 года. Идею сооружения монумента подал знаменитый архитектор Карл Росси. Планируя пространство Дворцовой площади, он полагал, что в центре площади нужно расположить памятник. Однако предложенную идею установки ещё одной конной статуи Петру I он отверг.

Открытый конкурс был официально объявлен от имени императора Николая I в 1829 г. с формулировкой в память о «*незабвенном брате*».

Колонна возведена по проекту О. Монферрана. Открытие памятника состоялось 30.09 (11.09) 1834 г.